

Применение института преюдиции как средства доказывания в уголовном судопроизводстве

С. Н. Клоков, А. В. Игнатьева

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17А

Для цитирования: Клоков, Сергей Н., Арина В. Игнатьева. 2023. «Применение института преюдиции как средства доказывания в уголовном судопроизводстве». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 987–1003. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.410>

В статье исследуется развитие института преюдиции посредством ретроспективного анализа, который проводится во взаимосвязи с достижением объективной истины в уголовном деле. Выявлены особенности и проблемы правового регулирования института преюдиции в дореволюционном, постсоветском и действующем законодательстве. В частности, ключевой проблемой Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР 1923 г. являлось отсутствие конкретных пределов применения межотраслевой преюдиции, что приводило к формальному разрешению уголовных дел. Несмотря на решение возникшей коллизии при утверждении УПК СССР 1960 г., поиск объективной истины был затруднен значимой ролью субъективного мнения судьи при решении вопросов о возможности использования и ограничения пределов применения преюдициальных решений. Кроме того, в статье отражены взгляды современного законодателя на достижение объективной истины при вынесении приговора с использованием преюдициальных обстоятельств в качестве доказательства. Авторы рассматривают некоторые аспекты опровержимости судебных актов как фактора преодоления преюдиции. Представлены авторское видение основных тенденций развития института преюдиции, предложения по реформированию регулирующего преюдицию не только внутриотраслевого уголовно-процессуального, но и межотраслевого законодательства, а именно Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». На основе проведенного анализа доказана необходимость изменения правового регулирования института межотраслевой преюдиции и изложения ст. 90 УПК РФ в новой редакции, предполагающей сохранение свойства неопровержимости у внутриотраслевой преюдиции и возрождение межотраслевой преюдиции опровержимого характера. В целях оптимизации уголовного судопроизводства в работе предложено наделять преюдициальной силой обстоятельство производства оперативного эксперимента путем законодательного изменения порядка его получения в суде.

Ключевые слова: институт преюдиции, доказывание, опровержимый характер, оперативный эксперимент, объективная истина, преюдициальные обстоятельства, внутриотраслевая преюдиция, межотраслевая преюдиция.

1. Введение

Считается общепризнанным, что институт преюдиции обладает крайне высоким потенциалом. Это обусловлено двумя факторами: 1) исследуемый институт освобождает от обязанности доказывания определенных обстоятельств при раз-

решении уголовных дел; 2) он образует взаимосвязь между различными отраслями права. Именно поэтому грамотное законодательное регулирование преюдиции способно в значительной степени повлиять на эффективность отправления правосудия, повышение которой, по мнению Председателя Верховного Суда РФ (ВС РФ), В. П. Лебедева, признается весьма актуальной задачей¹. В свою очередь, существующие недостатки правового регулирования института преюдиции порождают противоречивые ситуации в правоприменительной практике, что предопределяет необходимость целенаправленного выявления назревших проблем и реформирования института преюдиции в ключе его оптимизации.

Наиболее полное осмысление имеющихся недостатков института преюдиции возможно лишь при его ретроспективном анализе: опыт предшествующих лет не только устранил риски повторения уже разрешенных правовых коллизий, но и обеспечивает сохранение первоначальной сущности исследуемого института.

2. Основное исследование

2.1. Ретроспектива развития института преюдиции в отечественном законодательстве XIX–XX веков

2.1.1. Историко-правовой анализ генезиса положений о преюдиции в дореволюционном праве России

Становление преюдиции в отечественной доктрине уголовного процесса началось с принятием Устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г., ст. 21 которого презюмировала невозможность назначения повторного судебного разбирательства по одному делу для виновного лица при вступившем в законную силу приговоре суда даже при наличии новых обстоятельств, отягчающих его вину (Титов 2013, 259). Кроме того, согласно ст. 21 УУС, против лица, оправданного вступившим в законную силу приговором суда, не может вторично возбуждаться следствие. Так, рассматриваемый правовой памятник установил пределы отраслевой преюдиции, однако наиболее существенный интерес представляют собой положения ст. 27 УУС, закрепляющие модель «предсудимого разбирательства»: в случае если квалификация преступности деяния зависела от установления определенного ряда вопросов, уголовный процесс приостанавливался по основанию возникновения «обстоятельств, лежащих вне личности тяжущихся», и начиналось обособленное судопроизводство по требующему разрешения вопросу.

По мнению Н. А. Буцковского, одного из авторов судебной реформы 1864 г., включение в УУС подобных положений было предопределено появлением в уголовных процессах «юридической невозможности» — ситуации, при которой исключалось движение возбужденного обвинения по причине отсутствия компетенции у суда уголовного разрешать дела, подлежащие ведению суду духовному и гражданскому (Буцковский 1872, 47). До реализации Великих реформ Александра II разграничение компетенции судов как таковое отсутствовало, однако с мо-

¹ «Курс на повышение эффективности судебной защиты». *Адвокатская газета*. 2021. Дата обращения 16 февраля, 2022. <https://www.advgazeta.ru/novosti/kurs-na-povyshenie-effektivnosti-sudebnoy-zashchity/>.

мента их обособления выделение перечня предсудимых (преюдициальных) вопросов, которые относились к гражданскому или уголовному судопроизводству и напрямую влияли на текущий уголовный процесс, считалось первоочередной задачей (Фойницкий 1996, 47). К предсудимым вопросам относили те, предметом которых являлись обстоятельства о правах состояния, о праве собственности на недвижимое имущество, о факте и свойстве несостоятельности (банкротства) обвиняемого, обуславливающие совершение преступного деяния. Так, при наличии окончательного решения гражданского или духовного суда оно считалось обязательным в возобновленном уголовном процессе в отношении действительности и свойстве события или деяния, но при этом не стесняло судей при постановлении приговора. Следовательно, при возникновении сомнений относительно факта судья, рассматривающий дело, мог удостовериться в действительности события через соответствующие компетентные органы и при этом лично.

Немаловажно, что во время действия УУС решение уголовного суда признавалось справедливым только тогда, когда оно было основано «на истине не формальной, но материальной»². Тем самым, закрепив верховенство идеи материальной истины, законодатели не стесняли уголовный суд в постановлении законного, обоснованного приговора и поиске объективной истины в рамках дела, а, наоборот, стремились включить в текст закона механизмы, способствующие ее установлению. Хотя УУС и не закрепил термин преюдиции юридически, он предопределил применение данного механизма практически, в значении «предсудимости»: конструкции, представляющей собой неопровержимое доказательство или объективное средство доказывания фактических обстоятельств, установленных окончательным решением гражданского, уголовного и духовного судов, которыми обязательно должен был руководствоваться уголовный суд при рассмотрении дела.

Подобная интерпретация преюдиции оставалась неизменной и в ранний постреволюционный период: Декрет ВЦИК РСФСР «О суде» от 07.03.1917 № 2, кардинально изменяющий действующий уклад судебной системы, не предусматривал иных норм об институте преюдиции и предписывал руководствоваться положениями, утвержденными УУС³.

2.1.2. Влияние концепции установления объективной истины при реформировании положений о межотраслевой преюдиции в УПК РСФСР 1923 года

В момент становления советской правовой системы пришедшие к власти политические деятели изменили курс на реформирование уголовно-процессуального законодательства. Так, содержание положений о преюдиции, закрепленных в УПК РСФСР 1923 г.⁴, во многом было связано с деятельностью одной из центральных фигур в области теории и практики советского права в довоенный период —

² Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. 1866. Ч. 1 СПб.: Изд. Гос. канцелярии. С. 255.

³ Декреты Советской власти. 1957. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. С. 469.

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, все ссылки на российские и советские нормативно-правовые акты, судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 5 декабря, 2023. <https://www.consultant.ru>.

А. Я. Вышинским. Именно он сформулировал тезис, согласно которому «логика уголовного процесса не исчерпывается установлением формально-юридических данных» (Вышинский 1941, 19–20). С правоприменительной точки зрения данное положение подразумевало преимущественную опору судьи не на формальный учет обстоятельств, а на внутреннее убеждение при рассмотрении дела, выражающееся в исследовании и принятии во внимание совокупности собранных доказательств, интерпретированных судьей «с учетом своей совести». Примечательно, но в то же время с подачи А. Я. Вышинского в советском праве достигла апогея роль признания обвиняемым своей вины, которое негласно получило титул «царицы доказательств», а суды фактически стали наделяться статусом «второго обвинителя». Ввиду этого полагаем, что целью введения провозглашаемого А. Я. Вышинским тезиса о необходимости поиска объективной истины являлось предоставление «стражам закона» возможности субъективной оценки доказательств и их толкования с учетом внутреннего убеждения.

Итак, УПК РСФСР 1923 г. законодательно утвердил институт межотраслевой преюдиции, который регулировался ст. 12, презюмирующей обязательность вступившего в законную силу решения гражданского суда для суда уголовного лишь в отношении вопроса о том, «имело ли место событие или деяние», однако не в отношении виновности подсудимого. Очевидно, по сравнению с положениями ст. 27 УУС, советское законодательство значительно расширило пределы применения преюдиции, исключив исчерпывающий перечень вопросов, относимых к преюдициальным. Данное изъятие закономерно не позволяло рассматривать межотраслевую преюдицию как средство доказывания определенных событий, между тем положения ст. 12 УПК РСФСР правоприменители стали расценивать как общее требование, обязательное лишь на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

По мнению П. И. Люблинского, отсутствие точно установленных пределов преюдиции имело как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, неполнота закона положительна в части определения того, в отношении каких вопросов решение гражданского суда обязательно для уголовного: любые разрешенные вопросы гражданского права могут повлиять на признание деяния преступным либо непроступным, однако предрешишь вопрос о виновности лица они не в силе. С другой стороны, неполнота закона отрицательна в части определения вопросов, разрешенных гражданским судом и не обязательных в уголовном судопроизводстве, ведь закон относит к таковым лишь вопрос о виновности лица, в то время как исключительному предмету ведения уголовного суда относятся и другие, предшествующие вышеназванному, вопросы, в частности о преступности деяния (за исключением тех, которые предрешаются установленным вопросом гражданского права) (Люблинский, Полянский 1924, 26–27).

Несовершенство в установлении границ применения межотраслевой преюдиции и высокая роль внутреннего убеждения судьи позволяли правоприменителям выносить нужный власти приговор: при необходимости вынесения обвинительного приговора и наличии подтверждающего обвинение обстоятельства, установленного преюдициальным решением, судья в полном соответствии с нормами закона мог признать его допустимым доказательством без проведения оценки его содержания по правилам уголовного процесса, либо, наоборот, при необходимости

оправдательного приговора суд мог не придать данному решению должного значения и исследовать вопрос вновь, впоследствии поставив под сомнение итоговый документ гражданского суда. Подобное положение дел повлекло за собой проблему сопоставления субъективизма и объективизма, которая решалась в советском праве в «необходимом ключе»: под объективностью понимался сам факт наличия доказательств, а под субъективностью — их правильное осмысление в уголовном процессе. Представляется, что законодатель, искажая смысл идеи верховенства объективной истины, использовал механизмы ее достижения в угоду собственных интересов, что приводило лишь к большей формализации законодательства и построению инквизиционного типа судопроизводства.

В частности, по мнению В. А. Азарова и Д. М. Нурбаева, внутреннее убеждение является одним из критериев, позволяющих судить о достаточной обоснованности выводов по результатам разрешения уголовного дела. Полагаем, внутреннее убеждение, будучи средством поиска объективной истины, не может гарантировать ее достижение при наличии целей, отличных от ее установления (Азаров, Нурбаев 2013).

Принимая во внимание существовавшую в сталинскую эпоху основную цель власти («борьба с врагами государства»), отсутствие пределов применения межотраслевой преюдиции, а также высокую роль внутреннего убеждения судьи, заявленная законодателем задача освобождения от формальной системы доказательств была реализована лишь на поверхностном уровне, в действительности же использование межотраслевых преюдициальных решений не позволяло установить объективную истину по уголовному делу.

2.1.3. Особенности определения пределов межотраслевой преюдиции в УПК РСФСР 1960 года

Дальнейшие изменения института межотраслевой преюдиции закреплены в УПК РСФСР 1960 г., при создании которого законодатель стремился устранить недостатки УПК РСФСР 1923 г. и вновь установить главенство идеи объективной истины. Так, ст. 28 УПК РСФСР 1960 г. определяла значение решений суда по гражданским делам при уголовном производстве и, в отличие от УПК РСФСР 1923 г., предполагала следующее:

— возможность использования в доказывании по уголовным делам вступивших в законную силу определений и постановлений суда по гражданским делам, наряду с приговором и решением;

— увеличение субъективных пределов обязательности ранее установленных судом обстоятельств; помимо необходимости их применения уголовным судом, УПК РСФСР 1960 г. распространил действие преюдиции на досудебные стадии уголовного судопроизводства, а значит, ее обязательность возлагалась и на прокурора, следователя, а также на лицо, производящее дознание;

— применение в уголовном процессе преюдициальных решений в отношении установления факта события или действия (УПК РСФСР 1923 г. предусматривал термин «деяние»), но не по вопросу о виновности обвиняемого в совершении инкриминируемого преступления; целесообразность корректирования предшествующей формулировки обосновывалась относимостью термина «деяние» к уголов-

ной сфере права, что порождало ошибочные мнения у судей, рассматривающих гражданские дела, о наделении их полномочиями предрешать вопросы уголовного судопроизводства (Березин 2006, 149–152).

В период действия УПК РСФСР 1960 г. уголовно-процессуальная доктрина и правоприменительная практика шли по пути признания действия преюдициальных решений ограниченными. С доктринальной точки зрения тем самым закон предоставлял возможность свободного и непредвзятого поиска объективной, материальной истины, которая подразумевала точное и всеобъемлющее соответствие выводов суда либо органов следствия действительности. При этом достижение объективной истины представлялось возможным лишь при полноценном исследовании и оценке доказательств по делу, которые в силу ст. 71 УПК РСФСР 1960 г. производились судом или иным субъектом доказывания по их внутреннему убеждению. Кроме того, конструкция ст. 28 кодекса диспозитивна: некоторые обстоятельства уголовного дела могли не исследоваться на стадии предварительного расследования и непосредственно в суде, поскольку они уже признаны установленными гражданским судом. Между тем при наличии новых обстоятельств либо достаточных оснований у суда подвергнуть истинность данного обстоятельства под сомнение суд и иные субъекты доказывания не были ограничены в возможности его самостоятельного исследования и последующей оценки. Соответственно, преюдиция не лишала суд (прокурора, органы следствия, лиц, производящих дознание) права проверить установленные по гражданскому делу факты и события в рамках уголовного судопроизводства. В противном же случае, по мнению законодателя, задачи уголовного производства, закрепленные в ст. 2 кодекса (полное раскрытие преступлений, обеспечение правильного применения закона, недопущение привлечения к уголовной ответственности невинного лица, а также достижение объективной истины (ст. 20, 243)) априори не могли бы быть достигнуты. Таким образом, действие преюдиции во многом зависело от субъективного критерия — внутреннего убеждения лиц, являющихся субъектами доказывания — и считалось ограниченным (Строгович 1947, 214–215).

В то же время позиция правоприменителей в части целесообразности использования правил о преюдиции при разрешении уголовных дел оставалась неоднозначной, что обуславливалось несовершенством правового регулирования и неоднозначностью правовых последствий. Действительно, при столь высоком значении субъективного мнения конкретных лиц четкие границы и системность применения преюдициальных решений отсутствовали. Вышеуказанные проблемы, несмотря на действительную попытку законодателя предоставить участникам уголовного процесса инструменты для установления объективной истины, не гарантировали ее достижения по каждому рассматриваемому делу.

Также некоторые правоведы обоснованно полагали, что при преодолении преюдициальных решений, реализовываемом посредством постановления приговора с фактическим игнорированием преюдиции, возникало несколько противоречащих судебных актов, что ставило под сомнение их законность и было недопустимым. Современники предлагали несколько путей преодоления описанного правового конфликта:

— внести поправки в ст. 28 кодекса, подразумевающие, что отвергнувший преюдицию приговор не вступает в законную силу до того, пока вышестоящим судом

не будут проверены оба судебных решения и указано, какой из них является верным;

— включить для уголовного суда обязанность приостановления производства по делу и последующего выхода в порядке кассационного или надзорного производства с представлением об опротестовании преюдициального решения; в таком случае вышестоящие суды не только оценивают законность и обоснованность преюдициальных решений, но и предreshают вопрос об их относимости в уголовном деле в качестве доказательства (Резник 1977, 59–60).

Кроме того, отдельные исследователи были убеждены в верховенстве принципа законности вступивших в законную силу решений судов над правилом оценки судом доказательств по внутреннему убеждению. По их мнению, суд не вправе выносить противоречащий иному судебному акту приговор, основываясь на своих субъективных представлениях. Лишь при инициировании и успешном процессе отмены в установленном законом порядке решения по гражданскому делу, обладающего свойством преюдициальности, уголовный суд был в праве самостоятельно исследовать определенные события (Фаткуллин 1975, 80).

Несмотря на широкое придание огласке сложившейся коллизии, законодатель так и не произвел попытку ее устранения, а положения, регулирующие применение преюдиции, были изменены лишь в УПК РФ 2001 г.

2.2. Применение института преюдиции в современном российском уголовном судопроизводстве

2.2.1. Становление межотраслевой преюдиции в УПК РФ: актуальные проблемы и способы их преодоления

Нормы о преюдиции в финальной вариации УПК РФ 2001 г. существенно отличаются от предшествующих редакций. Первоначальный проект УПК РФ, принятый Государственной Думой РФ в первом чтении⁵, включал ст. 90 «Преюдиция», которая предусматривала «обязательность» для судов, следователей, органов дознания и дознавателей установленных вступившим в законную силу приговором обстоятельств и их правовой оценки. Иными словами, кодекс закреплял применение лишь отраслевой преюдиции.

Предложенные во втором чтении изменения в рассматриваемую статью регламентировали как отраслевую, так и межотраслевую преюдицию при рассмотрении уголовных дел. Обязательность применения межотраслевой преюдиции распространялась на субъектов доказывания лишь в отношении обстоятельств, установленных вступившим в силу решением гражданского суда. Подобная регламентация повлекла бы противоречия между институтом межотраслевой преюдиции и принципом свободы оценки доказательств в той мере, в которой не предусматривала вероятности возникновения у субъектов доказывания сомнений в истинности решения гражданского суда и не закрепляла механизм преодоления преюдиции (Лопатин 2017, 59–60).

⁵ «Законопроект № 97700236-2 “Уголовно-процессуальный кодекс РФ”. Государственная Дума РФ. 2001. Дата обращения 5 декабря, 2023. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700236-2>.

Последняя (и в итоге принятая) редакция вновь обозначила кардинальную смену подхода к содержанию преюдиции: если обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, не вызывают сомнений у суда, рассматривающего дело, то признаются судом и органами предварительного расследования без дополнительной проверки, однако не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в текущем уголовном деле. Таким образом, законодатель утвердил применение преюдиции отраслевого характера, не упоминая при этом о судебных решениях, принятых в рамках иных видов судопроизводств. Кроме того, перемещение статьи в гл. 11 «Доказывание» УПК РФ 2001 г. означало ее толкование как правила доказывания. Примечательно, что, в отличие от УПК РСФСР 1921, 1923, 1960 гг., рассматриваемый кодекс на законодательном уровне допускал возникновение сомнений у суда (и иных субъектов доказывания на досудебных стадиях уголовного производства); соответственно, указанные субъекты могли в свободном порядке вновь исследовать установленные преюдицией обстоятельства.

Описанные нововведения оценивались учеными неоднозначно, и дискуссии в большей степени касались двух пробелов правового регулирования.

Во-первых, закрепленная в УПК РФ трактовка норм о преюдиции допускала использование приговора, вынесенного в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40), в качестве преюдициального. Поскольку в силу ст. 314 УПК РФ особый порядок не предусматривает судебного разбирательства и суд лишается возможности непосредственно исследовать доказательства, то при вынесении приговора суд не отражает в приговоре анализ доказательств, а только описывает преступное деяние и выводы о соблюдении процедуры постановления приговора в особом порядке.

Так, при рассмотрении дела, совершенного группой лиц, в отношении одного из которых дело выделено в отдельное, особое производство и по которому уже вынесен итоговый приговор суда (как правило, дела особого производства рассматриваются значительно быстрее, поскольку судебное следствие по ним не проводится), данный приговор будет преюдициальным в деле, ведущемся в отношении иных соучастников преступления. Безусловно, в таком случае судебное производство превращается в формальность: большинство обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ 2001 г.), в частности событие преступления, характер и размер вреда, причиненные преступлением, уже установлены преюдицией, соответственно сторона обвинения получает значительное преимущество в доказывании, а сторона защиты ограничивается в возможности установления действительных обстоятельств рассматриваемого преступления. В таком случае применение института преюдиции ставит под угрозу достижение объективной истины в ходе производства по делу в обычном порядке судебного процесса, поскольку вероятность самоговора обвиняемого, а также судебной ошибки в особом порядке уголовного производства достаточно велика при отсутствии полноценного исследования всех доказательств судом. Между тем, поскольку выводы суда не могут противоречить уже вступившему в законную силу приговору, то судебный акт в отношении обвиняемых по основному делу фактически считается предрешенным и явно не соответствующим критериям истинности и справедливости. Усугубляют данную коллизию положения ст. 317 УПК РФ 2001 г., которые не позволяют обжаловать

в кассационном порядке приговор, вынесенный в особом производстве, по мотиву его необоснованности, что загоняет обвиняемых по основному уголовному делу в «процессуальный капкан» (Афанасьев 2010, 7–10).

Во-вторых, широко обсуждаемым оставался вопрос об изъятии из УПК РФ 2001 г. межотраслевой преюдиции. Ряд ученых, в частности Л. В. Головки, считали исключение данной конструкции не ошибкой законодателя, а фундаментальной основой уголовного процесса, поскольку гражданская юрисдикция ни в какой мере не должна связывать юрисдикцию уголовную (Головки 2011, 2–4). Однако преобладающее число современников придерживались мнения о неприемлемости исключения межотраслевой преюдиции в связи с явным нарушением доктринальных основ доказательственного права. Кроме того, они полагали, что такая регламентация преюдиции — «абсолютно недопустимый механизм разрушения судебной практики» (Морщакова 2010, 74).

Вышеописанная критика не могла остаться проигнорированной законодателем, и в 2008 г. Конституционный Суд РФ (КС РФ) впервые дал толкование ст. 90 УПК РФ, что послужило первым шагом к изменению регулирования действия института преюдиции. Суд определил, что обстоятельства, установленные арбитражным судом по гражданскому делу, являются преюдициальными и должны учитываться при разрешении уголовного дела до тех пор, пока они не будут опровергнуты стороной обвинения. Так, выводы гражданского суда, которые по существу предвешают вопрос о виновности или невиновности подсудимого, подлежат оценке в соответствии с общими принципами уголовно-процессуального доказывания. При этом если установленные решением арбитражного суда обстоятельства свидетельствуют в пользу обвиняемого, то они могут быть опровергнуты исключительно после аннулирования судебного акта арбитражного суда в установленном законом порядке (Определение от 15.01.2008 № 193-О-П).

Таким образом, КС РФ фактически возобновил действие межотраслевой преюдиции и указал, что обратное нарушает принцип презумпции невиновности и не соответствует конституционным требованиям справедливости правосудия (ст. 10, 49, 188 Конституции РФ).

2.2.2. Специфика применения преюдициальных решений как средства доказывания в уголовном судопроизводстве

Конструкцию межотраслевой преюдиции возродил Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ, который внес в ст. 90 УПК РФ следующее изменение: свойство преюдициальности распространялось не только на вступивший в законную силу приговор, но и на решения суда, принятые в рамках гражданского, арбитражного и административного производства. Между тем, устраняя одну правовую коллизию, законодатель породил новые правовые пробелы, в частности не были установлены четкие пределы применения преюдиции. В то время как в УПК РСФСР 1960 г. закон предписывал применять преюдицию в отношении фактических обстоятельств (событий или действий) и демонстрировал попытку установления ее пределов, новая редакция УПК РФ, по сути, предписывала суду и органам предварительного расследования разрешать вопрос о применении преюдициальных судебных актов де-факто, не закрепляя ни перечня преюдициальных обстоятельств,

ни границ ее применения. Кроме того, действовавший ранее опровержимый характер преюдиции был заменен неопровержимым: преюдициальные обстоятельства признавались субъектами доказывания без дополнительной проверки, что вновь способствовало формализации уголовного судопроизводства.

Наиболее ощутимо описанная проблема давала о себе знать в делах, возбужденных по факту мошенничества, присвоения и легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, и в иных экономических преступлениях. Неопровержимость межотраслевой преюдиции позволяла создавать изящные схемы уклонения от уголовной ответственности, опирающиеся на диспозитивность гражданского процесса. Так, любая сделка, неправомерная с точки зрения уголовного законодательства, могла быть легализована в имитированном гражданском/арбитражном процессе, в котором обе стороны заблаговременно согласовали движение дела и его планируемый результат (признание иска, отказ от него и т.п.). В итоге с точки зрения гражданского и арбитражного процессуального законодательства организация в полной мере могла доказать правомерность проведенной сделки, что подтверждалось решением суда, которое нельзя пересмотреть в уголовном процессе, сколько бы доказательств обратного ни представили органы уголовного преследования. Соответственно, институт межотраслевой преюдиции рассматривался как законная и надежная лазейка от ухода от уголовной ответственности: преюдиция создавала неопровержимое доказательство невиновности лица, формальное с точки зрения правил доказывания в уголовном процессе, и не позволяла уголовному суду установить истину по делу и объективно решить его по существу.

Возникшие практические трудности в применении института преюдиции стали причиной для многочисленных жалоб и побудили КС РФ внести правовую ясность в вопрос о преюдициальном значении решений по гражданскому делу для уголовного судопроизводства, в результате чего было издано знаковое Постановление КС РФ от 21.12.2011 № 30-П. Прежде всего, КС РФ обратил внимание на назначение института преюдиции, которое выражено как в поддержании непротиворечивости судебных актов и обеспечении принципа правовой определенности, так и в соблюдении принципов независимости суда и состязательного судопроизводства. Баланс указанных целей может быть гарантирован во взаимосвязи двух аспектов:

— установления пределов действия преюдициальности; действие межотраслевой преюдиции, аналогично положениям УПК РСФСР 1960 г., распространяется только на принятие без проверки уголовным судом обстоятельств по факту наличия или отсутствия какого-либо деяния или события, однако уголовно-процессуальную квалификацию преюдиция устанавливать не может;

— утверждения процедуры преодоления преюдиции; КС РФ описал процедуру преодоления преюдиции, которая состояла из последовательности сменяющих друг друга уголовного и гражданского процессов; сначала следовало возбудить уголовное дело по признакам фальсификации доказательств, подлога либо иных составов преступлений с целью установления приговором суда совершенных при рассмотрении «преюдициального» дела преступлений против правосудия; указанный приговор служил основой на следующем этапе опровержения — при пересмотре гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам, при успешном исходе которого преюдиция считалась опровергнутой.

Тем не менее предложенный выше механизм преодоления преюдиции так и не внес правовой ясности. Наиболее острым оставался вопрос о том, каким образом органы следствия или суд смогут инициировать пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском суде, ведь подобный пересмотр дела возможен лишь по инициативе лиц, участвующих в деле, к которым ни следователь, ни прокурор, ни тем более судья не относятся. Наоборот, в большинстве дел субъектами, наделенными данной инициативой, выступают обвиняемые в основном уголовном процессе, которые не заинтересованы в опротестовании защищающей их преюдиции и будут всячески препятствовать пересмотру гражданского дела и установлению объективной истины. В свою очередь, данная коллизия порождает все новые негативные правовые последствия. Так, предложенный КС РФ механизм преодоления преюдиции — долгий процесс, в течение которого лица, заинтересованные в определенном преюдициальном решении, могут вновь «поиграть в псевдопроцесс» и защитить себя новым преюдициальным решением суда. Создание и опровержение преюдиции образуют замкнутый круг, который позволит избежать виновному лицу ответственности по уголовному делу; в частности, высока вероятность истечения сроков давности уголовного преследования по ч. 1 ст. 303 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ в период опровержения преюдиции.

Таким образом, Постановление КС РФ лишь в большей мере раскрыло недостатки межотраслевой неопровержимой преюдиции. Преюдиция, являющаяся частью института доказывания, должна определяться и соответствовать правилам доказывания уголовного процесса. В действительности правосудные решения гражданских и арбитражных судов не отвечают критериям истинности даже по своему теоретическому назначению: их цель — разрешение спора между сторонами, причем в процессе его разрешения преимущественными являются формально-юридические доказательства. Соответственно, решения гражданских судов не считаются безусловным средством познания объективной (материальной) истины в уголовном судопроизводстве. Описанные недостатки нередко становились причиной создания законопроектов, которые радикально устранили бы все противоречия по поводу института преюдиции. Например, в 2013 г. депутаты Государственной Думы РФ В. В. Жириновский и А. С. Кропачев выступили с инициативой признания ст. 90 УПК РФ о преюдиции утратившей силу как таковой. Взамен ее предлагалось дополнить ст. 87 УПК РФ положением, согласно которому органы предварительного следствия и суд вправе подвергнуть проверке все обстоятельства, в том числе установленные вступившим в законную силу приговором либо иным решением арбитражного, гражданского или административного производства⁶.

Разумеется, подобная инициатива была отклонена, и законодатель, вспоминая последствия чрезмерного завышения роли внутреннего убеждения правоприменителей при разрешении уголовных дел, отказался исключать институт преюдиции, активно применяемый как в пределах национальной правовой системы, так и в правовых системах зарубежных стран. Между тем, признавая явное несовершенство существующих положений о преюдиции, в 2015 г. законодатель внес в ст. 90 УПК РФ существенные изменения: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, постановленным в рамках особых производств

⁶ «Законопроект № 305706-6 “О внесении изменений в УПК РФ”». Государственная Дума РФ. 2013. Дата обращения 5 декабря, 2023. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/305706-6>.

(ст. 226.9, 316, 317.7 УПК РФ), перестали обладать свойством преюдициальности. Ранее уже было отмечено, сколь отрицательно влияет отсутствие данной оговорки на установление объективной истины по делу, поэтому лишение преюдициального характера приговоров, постановленных в уголовном процессе с усеченным предметом доказывания, видится единственно верным вариантом.

Подобная регламентация преюдиции осталась неизменной и в настоящее время, ввиду чего видится необходимым выделить иные особенности ст. 90 УПК РФ в действующей редакции. Так, вопрос относительно роли внутреннего убеждения правоприменителя при использовании преюдициальных решений до сих пор не разрешен на законодательном уровне. С одной стороны, формулировка ст. 90 УПК РФ однозначно признает верховенство преюдиции над внутренним убеждением судьи. В таком случае, в соответствии с общеправовым принципом *lex specialis derogat generali* (лат. «специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон»), положения о преюдиции, являясь по своей конструкции специальной нормой, обладают приоритетом над принципом свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), т.е. общей нормой права. Полагаем, что подобное законодательное регулирование допустимо при использовании внутриотраслевой преюдиции, поскольку обстоятельства, указанные в преюдициальном приговоре, устанавливаются судом с учетом правил доказывания уголовного процесса, а значит, познание объективной истины по рассматриваемому делу не будет ставиться под сомнение. С другой стороны, вполне закономерно и обосновано возникновение сомнений правоприменителя при использовании в качестве преюдициального в уголовном деле решения гражданского, арбитражного или административного суда, при вынесении которых суд руководствуется иными правилами оценки доказательств, а процесс доказывания является диспозитивным. Следовательно, внутреннее убеждение судьи, субъективное по своей конструкции, будет объективным по содержанию в вопросе использования межотраслевой преюдиции. Более того, в связи с отсутствием работоспособной модели преодоления преюдиции, применение межотраслевой преюдиции по внутреннему убеждению будет гарантировать достижение объективной истины по уголовному делу, поскольку именно при устранении возникших у судьи сомнений и наличии у него убеждения в объективной истинности излагаемых фактов суд может вынести законный и справедливый приговор.

Таким образом, учитывая различные стандарты доказывания в разных видах судопроизводства, полагаем, что последующие изменения рассматриваемого института должны повлечь сохранение свойства неопровержимости у внутриотраслевой преюдиции и закономерное возвращение межотраслевой преюдиции опровержимого характера, при котором решения гражданского, арбитражного судов будут обязательно учтены и исследованы при разрешении уголовного дела, но при наличии соответствующих доказательств могут быть опровергнуты.

2.2.3. Преюдиция как фактор повышения эффективности судебной деятельности

Представляется, что институт преюдиции способен оптимизировать уголовное судопроизводство и установить фактические обстоятельства по делу, не препятствуя установлению объективной истины. В частности, ч. 2 ст. 8 Федерального

закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) допускает проведение такого оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ), как прослушивание телефонных переговоров только при получении судебного решения, которое принимается в порядке ст. 9 и по основаниям ст. 7 Закона об ОРД. Соответственно, материалы ОРМ, полученные в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, могут быть использованы в качестве доказательства по уголовному делу. При этом решение суда о проведении прослушивания телефонных переговоров будет преюдициальным по уголовному делу, а значит:

— сторона защиты не сможет оспорить признание основания проведения ОРМ с целью признания добытых в ходе ОРМ доказательств недопустимым;

— суд будет рассматривать доказательства по существу, не ставя под сомнение законность проведения ОРМ, а значит, возрастет уровень процессуальной экономики при рассмотрении дела.

По аналогии с описанной выше моделью правового регулирования видится предпочтительным ввести судебный порядок получения разрешения на производство оперативного эксперимента. В теории оперативный эксперимент представляет собой ОРМ, во время которого воспроизводятся обстоятельства противоправного события и совершаются действия, необходимые для задержания подозреваемого с поличным. Наиболее результативно проведение данного ОРМ в делах коррупционной направленности, поскольку обстоятельства, установленные оперативным экспериментом, могут послужить главным доказательством виновности лица, а также определить предмет и иные составляющие состава преступления. По указанным причинам сторона защиты в первую очередь будет отстаивать в судебном процессе неправомочность проведения рассматриваемого ОРМ, ведь в силу ст. 89 УПК РФ результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора лишь тогда, когда они получены в соответствии с требованиями закона.

Именно поэтому считаем необходимым утвердить обязанность получения судебного разрешения на проведение оперативного эксперимента, ведь при реализации данного предложения судебное разрешение приобрело бы преюдициальную силу, а значит, при исследовании в рамках судебного следствия вопроса о законности проведения оперативного эксперимента суд будет изучать не основания проведения ОРМ, а исключительно доказательства, непосредственно собранные с его помощью с точки зрения допустимости, достоверности и достаточности в полном соответствии с требованиями ст. 88 УПК РФ (Клоков 2015).

3. Выводы

Проведенное исследование способствовало решению задач и выявлению следующих частных выводов:

— ретроспективный анализ института преюдиции в российском уголовном судопроизводстве продемонстрировал различные результаты с точки зрения предмета достижения объективной истины при их использовании: положения УУС, закрепляя модель «предсудимого разбирательства», фактически вводили в уголовный процесс конструкцию преюдиции с четко обозначенными пределами применения, что позволяло толковать ее как неопровержимое средство доказывания и достигать объективную истину в ходе производства по делу; УПК РСФСР 1923,

1960 г., провозгласившие главенство внутреннего убеждения судьи над преюдициальными решениями, в отсутствие конкретных границ и правил применения преюдиции позволяли установить лишь формальную истину об обстоятельствах рассматриваемых дел; в УПК РФ законодатель, признавая верховенство ст. 90 над ст. 17, не предоставляет правоприменителям действительной возможности убедиться в истинности обстоятельств, установленных межотраслевой преюдиции, однако, исключая из сферы действия отраслевой преюдиции решения суда, принятые в особых порядках судопроизводства, обеспечивает достижение объективной истины при их применении;

— выявлены особенности института преюдиции в УПК РСФСР 1923 г.: по причине воздействия действующей советской идеологии, а также влияния концепции А. Я. Вышинского законодателя так и не реализовали цель определения пределов преюдиции, позволяющих достигнуть установления объективной истины в процессе уголовного судопроизводства;

— установлено отсутствие четких пределов, а также единообразия применения преюдиции во время действия УПК РСФСР 1960 г., что обуславливало большое значение субъективного мнения судей, рассматривающих уголовные дела, и предопределяло последующий пересмотр законодателем модели регулирования института преюдиции при разработке УПК РФ 2001 г.;

— раскрыты правовые пробелы института преюдиции, возникшие при утверждении УПК РФ 2001 г.: 1) наиболее актуальная проблема законодательного регулирования внутриотраслевой преюдиции — приговоры, вынесенные в особом порядке судебного производства по причине того, что они, наделяя определенные обстоятельства преюдициальной силой, ставили под угрозу достижение объективной истины в ходе производства по делу; 2) отсутствие закрепленной на законодательном уровне конструкции межотраслевой преюдиции нарушает принципы доказательственного права, а следовательно, она не может быть всецело исключена из УПК РФ;

— анализ существующих проблем законодательного регулирования института преюдиции позволил прийти к выводу о необходимости обособленного наделяния преюдициальными свойствами институты внутриотраслевой и межотраслевой преюдиции; представляется, что свойством неопровержимости должен обладать лишь институт внутриотраслевой преюдиции; в свою очередь, для обстоятельств, установленных межотраслевыми преюдициальными решениями, предпочтителен опровержимый характер;

— предложена модель реформирования института преюдиции, направленная на оптимизацию уголовного судостроительства посредством получения судебного разрешения на оперативный эксперимент.

Институт преюдиции — актуальная и обусловленная потребностями правоприменения правовая конструкция, однако далеко не безупречная: существует ряд законодательных пробелов, часть из которых затронута в настоящем исследовании. С целью восполнения указанных пробелов и корректирования действующего законодательства видится целесообразным внести в него следующие изменения:

— положения ст. 90 УПК РФ изложить в следующей редакции:

1. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса, признаются судом, прокуро-

ром, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

2. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда.

— изложить ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД в новой редакции, подразумевающей судебный порядок получения разрешения на производство оперативного эксперимента.

Библиография

- Азаров, Владимир А., Даулет М. Нурбаев. 2013. «Преюдиция и внутреннее убеждение при установлении истины в уголовном судопроизводстве». *Известия Алтайского государственного университета* 2: 77–79.
- Афанасьев, Сергей. 2010. «Преюдиция или процессуальный капкан». *Новая адвокатская газета* 7: 7–10.
- Березин, Алексей С. 2006. «Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве». Дис. ... канд. юрид. наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
- Буцковский, Николай А. 1872. *Основания кассационной практики по вопросам преюдициальности*. СПб.: Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Вышинский, Андрей Я. 1941. *Теория судебных доказательств в советском праве*. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР.
- Головкин, Леонид В. 2011. «Преюдиция в уголовном процессе должна стать не помехой, а помощником правосудия». *Закон* 8: 2–4.
- Клоков, Сергей Н. 2015. «Особенности возбуждения уголовных дел по материалам оперативного эксперимента». *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России* 21: 99–103.
- Лопатин, Сергей А. 2017. «Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации». Дис. ... канд. юрид. наук, Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина.
- Люблинский, Павел И., Николай Н. Полянский. 1924. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Комментарий*. М.: Право и жизнь.
- Морщакова, Тамара Г. 2010. «Значение того, что мы называем единством практики». *Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике*, 63–77. М.: Статут.
- Резник, Генри М. 1977. *Внутреннее убеждение при оценке доказательств*. М.: Юридическая литература.
- Строгович, Михаил С. 1947. *Учение о материальной истине в уголовном процессе*. М.: Изд-во АН СССР.
- Титов, Юрий П., сост. 2013. «Устав уголовного судопроизводства 1864 г». *Хрестоматия по истории государства и права России*, 259–262. М.: Проспект.
- Фаткуллин, Фидаи Н. 1975. *Общие проблемы процессуального доказывания*. Казань: Изд-во Казан. ун-та.
- Фойницкий, Иван Я. 1996. *Курс уголовного судопроизводства*. СПб.: Изд-во В. Лесникова.

Статья поступила в редакцию 4 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

Контактная информация:

Клоков Сергей Николаевич — канд. юрид. наук, доц.; klokov_17@mail.ru
Игнатьева Арина Владимировна — магистр права; Ignatyevaav@mail.ru

Application of the institution of prejudice as a means of proof in criminal proceedings

S. N. Klokov, A. V. Ignatyeva

Privolzhsky Branch of the Russian State University of Justice,
17A, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

For citation: Klokov, Sergey N., Arina V. Ignatyeva. 2023. "Application of the institution of prejudice as a means of proof in criminal proceedings". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 987–1003. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.410> (In Russian)

This paper presents a retrospective analysis of the development of the institution of prejudice in criminal proceedings in Russia, which is disclosed in a relationship with the achievement of objective truth in a criminal case. The features and problems of legal regulation of the institution of prejudice in the pre-revolutionary, post-Soviet and current legislation were revealed. In particular, the key problem of the Criminal Procedural Code of the RSFSR of 1923 was the lack of concrete limits of inter-branch prejudice that led to the formal resolution of criminal cases. Despite the resolution of this conflict when the USSR CPC was adopted in 1960, the search for objective truth was hampered by the high role of the judge's subjective opinion in deciding questions about the possibility of using and limiting the limits of the application of prejudicial decisions. In addition, the paper reflects the modern legislator's views on the achievement of objective truth in sentencing with the use of prejudicial circumstances as evidence. The authors present their own vision of the main trends in the development of the institution of prejudice and their proposals to reform not only inter-branch criminal procedural legislation but also inter-branch legislation, namely: Federal Law "On Operational Investigative Activity". On the basis of the conducted analysis the necessity of changing the legal regulation of the institute of inter-branch prejudice and of introducing a new version of Article 90 of the CPC of the RF suggesting preservation of the non-controversial nature of intra-branch prejudice and revival of inter-branch prejudice of rebuttable nature was proved. In addition, in order to optimise criminal proceedings, the paper proposes to give prejudicial effect to the circumstance of a surgical experiment by legally changing the procedure for obtaining it in court.

Keywords: institution of prejudice, proof, rebuttable character, operative experiment, objective truth, prejudicial circumstances, intra-branch prejudice, inter-branch prejudice.

References

- Afanas'ev, Sergei. 2010. "Prejudice or a procedural trap". *Novaia advokatskaia gazeta* 7: 7–10. (In Russian)
- Azarov, Vladimir A, Daulet M. Nurbaev. 2013. "Prejudice and domestic conviction in establishing the truth in criminal proceedings". *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* 2: 77–79. (In Russian)
- Berezin, Aleksei S. 2006. "Prejudice in domestic criminal proceedings". PhD Thesis in Law, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo. (In Russian)
- Butskovskii, Nikolai A. 1872. *Grounds for cassation practice on questions of prejudice*. St. Petersburg, Tipografiia 2-go Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii Publ. (In Russian)
- Fatkullin, Fidai N. 1975. *General problems of procedural evidence*. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Foinitskii, Ivan Ia. 1996. *Criminal justice course*. St. Petersburg, Izdatel'stvo V. Lesnikova Publ. (In Russian)
- Golovko, Leonid V. 2011. "Prejudice in criminal proceedings should not be a hindrance but an aid to justice". *Zakon* 8: 2–4. (In Russian)
- Klokov, Sergei N. 2015. "Peculiarities of initiating criminal cases on the basis of the materials of an operational experiment". *Iuridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* 21: 99–103. (In Russian)

- Lopatin, Sergei A. 2017. "Implementing or overcoming prejudice in criminal proceedings in the Russian Federation". PhD Thesis in Law, Moskovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia imeni O.E. Kutafina. (In Russian)
- Lublinsky, Pavel I., Nikolai N. Polyanski. 1924. *Criminal Procedure Code of the RSFSR. Commentary*. Moscow, Pravo i zhizn' Publ. (In Russian)
- Morshchakova, Tamara G. 2010. "The meaning of what we call the unity of practice". *The rule of law and the problems of its enforcement*, 63–77. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Reznik, Genri M. 1977. *Internal persuasion in assessing evidence*. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ. (In Russian)
- Strogovich, Mikhail S. 1947. *The doctrine of substantive truth in criminal proceedings*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ. (In Russian)
- Titov, Iuri P., comp. 2013. "Criminal Procedure Statute 1864". *Reader on the history of state and rights of Russia*, 259–262. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Vyshinskii, Andrei Ia. 1941. *Theory of forensic evidence in Soviet law*. Moscow, Izdatel'stvo NKIu SSSR Publ. (In Russian)

Received: March 4, 2022

Accepted: July 31, 2023

Authors' information:

Sergey N. Klokov — PhD in Law, Associate Professor; klokov_17@mail.ru

Arina V. Ignatyeva — LLM; Ignatyevaav@mail.ru